

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы, уважаемые читатели, держите в своих руках, уникальна. Ее с полным основанием можно назвать исторической поэмой в прозе. Это написанная в русле единой концепции история русской сухопутной армии, начиная от времен Петра Великого до падения Российской империи. Примечателен и сам автор книги.

Антон Антонович Керсновский родился до революции в Бессарабской губернии в дворянской семье. В его роду Антонами звали и его отца, и его деда, поэтому автора этой книги можно спутать с отцом — геодезистом, полковником Российской императорской армии, тоже лицом незаурядным, хотя и не настолько известным. По отцу наш Антон Антонович имел польские корни, по матери — греческие. При этом Антон Керсновский оказался до мозга костей русским человеком. Его «История русской армии» написана с глубоко национальной русской позиции. Читатель этой книги вместе с автором переживает до сердечной боли неудачи России, всей душой радуется за ее победы. Без преувеличения можно сказать, что нет больше ни одного фундаментального исследования по истории русской армии, которое было бы сделано на основе такого глубокого понимания русских государственных интересов и задач.

В этой книге вы не найдете скучных перечислений воинских соединений с детальным описанием дислокации каждого из них, скрупулезного подсчета соотношения сил, подробнейшего аналитического описания планов кампаний и их ведения. Автор умел находить краткие, но исключительно точные и исчерпывающие характеристики главных параметров подготовки вооруженных сил к каждой войне, лаконично определял важнейшие факторы побед или неудач. Именно поэтому его книга читается как увлекательнейшее цельное художественное произведение с четким сюжетом, основным действующим лицом которого — не пассивным объектом изучения, а активным субъектом описываемых событий — является русская нация, ее государство и ее армия. Даже описания отдельных сражений, чтобы не нарушать стройной логической канвы повествования, вынесены Керсновским в подстрочные примечания.

В большинстве источников годом рождения Антона Керсновского указывается 1907-й. Однако А. А. Керсновский воевал в Гражданской войне в Добровольческой армии генерала Деникина и Русской армии генерала Врангеля, а потом оказался в эмиграции. Даже будучи «сыном полка» или «баклажкой», как называли своих юных помощников-добровольцев белогвар-

дейцы, он вряд ли мог принять участие в военных действиях в столь юном возрасте. Его младшая сестра Ефросинья Керсновская, известная как автор мемуаров о ГУЛАГе «Наскальная живопись» и «Сколько стоит человек», указывала годом рождения своего брата 1905-й, что выглядит более вероятным.

Вернувшись в родную Бессарабию, оккупированную уже румынскими войсками и присоединенную к Румынии, Керсновский недолго задержался здесь. Он окончил Консульскую академию в Вене, затем университет в Дижоне (Франция), прослушал курс во французской военной школе Сен-Сир. Обосновавшись в Париже, Керсновский начал писать статьи на темы военной истории, особенно последней мировой войны. Он анализировал вопросы стратегии и тактики, вооружения армий, взаимосвязи политики и войны. Глубина его познаний и суждений поражала аудиторию. Немцы перевели его статьи, подписывая их «*der russischer General Kersnovski*», хотя Керсновский никогда не имел офицерского звания.

Его прозорливость, точная оценка военно-политических событий поражают и сейчас. Еще до прихода к власти в Германии Гитлера Керсновский предвидел неизбежность Второй мировой войны и предрекал: «Для нас, русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг». Как гражданин Франции, он был призван в 1940 году на войну. «Грустно и несправедливо, — признавался он в одном из писем, — умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине». Он получил тяжелое ранение, но выжил.

Керсновский публиковался главным образом в «Русском военном вестнике», выходившем в Белграде. Там же с 1933 по 1938 год вышли четыре тома его «Истории русской армии» — главного труда всей его жизни, поставившего его имя в ряд самых проникновенных русских историков. Известность пришла к Антону Керсновскому в эмиграции, а на родине его талант был открыт читателю только в 1990-е годы. Его «История» (в данном издании — все четыре тома) после первой же публикации в 1992–1994 годах завоевала популярность и в дальнейшем неоднократно переиздавалась (в том числе все четыре тома в одной книге) Военным издательством в 1999 году.

Керсновский мог пользоваться только теми источниками, которые русская белая эмиграция сумела вывезти из России. Тем удивительнее, что во всей своей объемистой «Истории» Керсновский допустил только одну фактическую ошибку, да и то относящуюся к предыстории описываемого им времени, — когда написал, что последняя Засечная черта Русского царства про-

ходила ближе всего к Москве, хотя на самом деле это была древнейшая Засечная черта. Впрочем, эта единственная неточность совершенно не умаляет достоинств книги.

Армия — это душа нации, считал Керсновский, а в войнах наиболее ярко и отчетливо отражается дееспособность нации и ее государства. «История русской армии, — пишет он, — это история жизни Русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и несчастье, — история великой армии великой страны». Название книги подчеркнуто скромное и не вполне точно отражает суть ее содержания. На самом деле это анализ всей русской государственной политики от Петра I до Николая II, поэтому «История русской армии» Керсновского является концентрированным, через наиболее драматические эпизоды, описанием всей истории России с начала XVIII по начало XX века, проникнутым единым взглядом, который можно обозначить так: национальные интересы — превыше всего!

Керсновский был пламенным монархистом и никогда не скрывал этого. «Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию, — так начинает он свою “Историю”. — В их чреде были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнивались деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие — и мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками». Но его монархизм не был восхвалением прежде правивших монархов. Автор весьма критически оценивает роль каждого монарха с позиций национальных интересов России. Мало кто из российских императоров избежал неллицеприятной критики со стороны Керсновского.

Оценки автором правивших Россией монархов далеки от общепринятых. Например, он высоко ценит Павла I и считает его «самым оклеветанным монархом русской истории». Напротив, Александра I, при котором была выиграна Отечественная война и разбит Наполеон, автор характеризует весьма жестко. «Российской, русской политики в царствование императора Александра I, можно сказать, не существует», — пишет он. Керсновский видит у Александра I пренебрежение к русскому народу и русскому воинству, происходившее из преклонения перед Западом: «Могучий и яркий патриотический подъем незабвенной эпохи 1812 года был угашен императором Александром, ставшим проявлять какую-то странную неприязнь ко всему национальному, русскому. Он как-то особенно не любил воспоминаний об Отечественной войне — самом ярком национальном русском торжестве и самой блестящей странице своего царствования. За все многочисленные свои путешествия он ни разу не посетил полей

сражений 1812 года и не выносил, чтобы в его присутствии говорили об этих сражениях».

Самое большое упущение этого царствования Керсновский видит в сохранении крепостной неволи крестьян: «Реформа 1861 года опоздала на полстолетия... Если бы тот рождественский манифест, провозгласив освобождение России от “двадцати язык”, возвестил освобождение от рабства 25 миллионов верных сынов России, то Вифлеемская звезда засияла бы над ликующей страной. В том великом нравственном подъеме наша Родина обрела бы неисчерпаемые силы для преодоления всех грядущих невзгод и лжеучений».

В царствование Александра I, считает Керсновский, началась роковая война между властью и обществом, первые залпы которой прозвучали на Сенатской площади в Петербурге в декабре 1825 года. На Александра I монархист Керсновский возлагает огромную личную ответственность за будущую революцию. Николай I как поклонник плац-парадной мишуры, муштры и шагистики предстает у автора не более чем продолжателем дела своего старшего брата. Политика Александра I после победы над Наполеоном привела Россию к поражению в Крымской войне.

Не обходится Керсновский и без критических замечаний в адрес следующих императоров. Александр II, по его мнению, проводя военную реформу, слишком увлекся рационализмом. Александр III недооценивал значения красивой военной формы для духа армии.

Сложнее отношение автора к Николаю II. Критиковать царя-мученика напрямую он не решает. Но его анализ политики Николая II — своеобразный приговор последнему императору. Он указывает на множество роковых политических ошибок, допущенных в последнее царствование. Но ведь за каждой такой ошибкой стояло первое лицо государства.

От такой оценки трудно отделаться, читая следующие, например, строки автора:

«В сентябре [1914 г.] Россия подписала так называемый Лондонский протокол, по которому державы Согласия обязались друг перед другом не заключать сепаратного мира. Этим совершена была самая крупная дипломатическая ошибка за всю войну. Мы лишили себя великолепного орудия дипломатического воздействия... Россия добровольно низвела себя Лондонским протоколом до степени державы второго сорта».

Или:

«Один-единственный раз за всю [Первую мировую] войну Россия вспомнила свою великодержавность и вытекающие из нее права. Сербская армия, брошенная союзниками на произвол

судьбы, погибала в Албании. Французы отказались перевезти ее на Корфу. Сын Александра III вспомнил отцовский язык для Европы и сказал через головы оробевших своих дипломатов, что если сербов немедленно же не спасут, то Он, Император Всероссийский, выведет свою страну из войны... Пароходы у союзников немедленно же нашлись. Нашлись бы у них и снаряды, и самолеты (и все — хорошего качества), разговаривай с ними Россия своим природным царственным языком — единственным, на котором мы должны разговаривать с Европой».

Кто же должен был неизменно говорить с Европой таким языком, если не сам государь?

Постоянно критикует автор и стратегическое руководство русской армией в Первую мировую войну, неумение заставить военачальников повиноваться единому плану, единой воле. «Стратегический обзор Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям Русской армии». Но ведь Верховным Главнокомандующим в ней с августа 1915 года был сам государь император Николай II! И это он лично назначал начальника своего штаба и командующих фронтами. Значит, это на него падает основная ответственность за отсутствие дееспособного руководства.

Считая Российскую империю высшей формой русской государственности, Керсновский вольно или невольно подводит своих читателей к мысли, что к началу XX века империя оказалась не на высоте своих задач как русское национальное государство.

Сам строй жизни Российской империи последних десятилетий не мог воспитывать в русских людях патриотов, убежден автор:

«Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не делала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать ее и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя, они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров — единственных воспитателей 150-миллионного русского народа — они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учил любить свою страну. Неудивительно, что человек по сути любил лишь свою деревню, до которой “немцу все равно не дойти”, да и в деревне лишь свою избу... Петроградские рабочие-красногвардейцы не родились большевиками, но ими сделались. Они искали социальной справедливости, которой не находили. “Классовое самосознание” выковывалось долгими

десятилетиями и в обстановке, как нельзя более благоприятствовавшей обострению социальной розни».

Недостатки духовной организации Российской империи роковым образом сказались в Первую мировую войну:

«Целей войны народ не знал. Сами “господа”, по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путанно “писали в книжку” про какие-то проливы — надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян, которых надлежало не то спасать, не то усмирять. Надо было победить немца. Сам немец появился как-то вдруг, неожиданно — о нем раньше никто ничего народу не говорил... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе — никто не мог себе уяснить».

Таким образом, монархизм Керсновского обращен не в прошлое, а в будущее. Только в редкие исторические периоды, по его мнению, русская армия органично отвечала своему призванию. Таким периодом он признает почти весь XVIII век. Расцвет самобытной русской военной доктрины наступил в царствование Екатерины II:

«В эпоху господства во всей Европе бездушных прусских рационалистических теорий, формализма и автоматической “фухтельной” дрессировки Румянцев первым выдвигает в основу воспитания войск моральные начала — нравственный элемент, причем воспитание, моральную подготовку он отделяет от обучения, подготовки физической... Гению Румянцева обязана Русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевым... Румянцев явился основоположником русской военной доктрины».

Керсновский был убежден, что военная доктрина любой страны должна исходить из ее национальных особенностей. Универсальной военной доктрины для всех народов и времен быть не может. Военная концепция основывается на духе и опыте нации. Вот почему автор высоко оценивает самобытные теоретические работы русских военачальников и резко критикует подражания немецким и другим иноземным образцам.

В основе самобытной русской военной доктрины лежит превосходство духа над материей. «Суворов учил: “Мы — русские. С нами Бог”. Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные “доктрины” и “методы”, рассчитанные на сердца других армий. Мы перестали быть русскими... Бог перестал быть с нами».

Квинтэссенцией военной истории России является характер ее войн, «совершенно отличный от войн, веденных другими на-

родами». Он «придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу за “други своя”. Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: “Не нам, не нам, а Имени Твоему”».

Россия неизменно вставала на пути завоевателей, стремившихся к мировому господству. В этом состоит ее провиденциальная историческая миссия. «Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание “первой в мире”, как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась “второй в мире”».

Неизреченная красота русского военного искусства и безропотный жертвенный подвиг русского солдата — два лейтмотива, пронизывающие книгу Керсновского. Они являют наивысшее напряжение национального духа, составляющее смысл и значение всей истории России.

Керсновский умер от туберкулеза в Париже в 1944 году под немецкой оккупацией (его жена пережила его на несколько часов, выбросившись от горя из окна). Нет сомнений, что он анализировал опыт текущей войны и следил за успехами Красной армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. К этим успехам он наверняка должен был относиться с двойственным чувством. С одной стороны, для него большевики не изменились с 1917 года и выступали врагом всего национального, русского, всего, что было ему свято и дорого. С другой стороны, они сражались за свое Отечество против немцев, которые характеризовались Керсновским как извечный враг России и славянства. Керсновский не мог не видеть, что в Советском Союзе волею исторических судеб реализуются многие его личные политические чаяния и формируется самобытная военная доктрина. Но выступить в печати с осмыслением уроков Второй мировой войны Керсновскому уже не было дано роком.

*Я. А. Бутаков,
кандидат исторических наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего. Книга эта, написанная и изданная еще в эмиграции, предназначается для офицеров возрожденной Русской Армии — как слушателей Императорской Николаевской Военной Академии, так и строевых. Одним она сможет помочь при изучении стратегии, военной истории и истории военного искусства, другие узнают из нее то, чему их не научили в «нормальных школах» и на командных курсах.

Основная идея этого труда — это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекавшая из духовных его основ, и мощь русского военного гения — мощь до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная, вернее, неосознанная совсем.

Ересь «анациональности» военного искусства привела к засорению русской военной мысли иноземными — по большей части с клеймом «made in Germany» — рационалистическими учениями. Все это имело своим результатом Севастополь и три Плевны, Мукден и Сольдау. Минус на плюс не мог не дать минус.

Военная доктрина — всегда национальна. Она составляет — этого никогда и ни на минуту не следует забывать — лишь одну из сторон, одну из многочисленных граней доктрины общенациональной, является отражением духовного лика данного народа, производной его психологии. Из этого в достаточной степени явствует вся противоестественность заимствования иностранных доктрин — все равно, будут ли эти последние «приспособлены к русским условиям» или нет.

Здание Русской Национальной Военной Доктрины, начатое Петром I, Румянцевым и Суворовым, стоит и поныне недоконченным. Со смерти Суворова никто к нему не прикасался. Мы стали копировать иностранные учения, свернули с пути, завещанного нашими великими учителями. И победа покинула нас... Она отлетела от наших знамен, к которым должна была бы навеки быть прикрепленной. Поражения стали сменяться поражениями, одна потерянная война стала следовать за другой.

Свернем с этого гибельного пути и возвратимся на единственно верный — на тот, где веками служат Лесная и Полтава, Пальциг и Кунерсдорф, Ларга и Кагул, Рымник и Требин. Продолжим этот путь новыми веками!

И если эти строки помогут проникнуться — конечно, серьезно проникнуться — и начать серьезно работать хоть тридцати читателям — офицерам, автор сочтет себя сторицею вознагражденным за свой скромный труд.

А. К.

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнялись деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие. И мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя — духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя — русский царь Богу одному отдавал отчет о своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести — через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

Недаром в троичности «Вера, Царь, Отечество» понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие «Россия», неосмысленное предварительно понятием «Вера», неоплодотворенное понятием «Царь», является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни Веры, ни Царя, — то само собой отпало и понятие «Россия», уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетия России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было — что и создало анархию). Царский престол был пуст... но помимо него существовал еще один престол — престол патриарший^{1}.

И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества — митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебой и поршень становился на мертвую точку. Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту

машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни Русского Народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но, когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои — спасительной инерции маховика уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие — превращение в великую, а затем в мировую державу — совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это — путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков{2} сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за самое право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии — династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг — враг восточный — приходил к нам из глубины азиатских степей, сперва в облике обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул — тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг — враг западный. Имя ему было и осталось — немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет — от Ледового побоища до Брест-Литовска — враг традиционный{3}, но не раз по капризу истории надевавший личину традиционной дружбы — всякий раз все к большей своей выгоде и все к большей беде России.

С восточным врагом боролись Дмитрий Донской, Иоанн III, Великая Екатерина, Царь Освободитель. С западным — Александр Невский, два первых Романова — цари Михаил и Алексей, дочь Петра — Елизавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами — Иоанн IV, Петр I, Николай II (Царь Грозный, Царь Великий, Царь Мученик).

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства — праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с за-

падным врагом — вначале успешная — оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же с врагом восточным потерпел неудачу.

Удачнее их действовал Император Николай Александрович. На третьем году беспримерной в Истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного на одно{4}... Но тут явился третий враг — враг внутренний, духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И Царя не стало! Ужасной ценой заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу — и для разрешения ее, для признания за собой права за место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сперва в защиту христианской веры, а в последующие века в освобождение угнетенных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным{5}.

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла свою задачу — задачу «Божьей рати лучшего воина» — многовековой непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора — и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света «за все большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя». Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, — то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКОВСКОЙ РОССИИ

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия Царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участвовавшие и принявшие грозный характер в правление Царя Алексея.

Правление этого слабого государя{6} не было счастливым, несмотря на присоединение Хмельницким Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с Патриархом Никоном удалила от Престола единственный государственный ум России того времени. Хозяйничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закрепощению{7} крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в середине столетия в крепостное право стараниями крючкотворцев). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны Царя Алексея Михайловича закончились плачевно... Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 1670-х и 1680-х годах страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, унизилось до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном, например, 1688 году свыше 70 тыс. человек, оно было не в состоянии. Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада — что вечным позором ложится на просвещенную Европу, уже тогда торговавшую человеческим мясом с «каннибалами». По мнению известного слависта профессора В. И. Ламанского, с XV века в продолжение четырех столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишились от 3 до 5 млн жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство.

Вот что он пишет в исследовании архивов Венецианской республики: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Не мало было русских рабов и у мамелюков в Египте. С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи. Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта, а Благочестивый Людовик XIV только иногда прибавлял, чтобы эти “Russians” не были “схизматик”. В таких размерах совершалась

в XV–XVIII веках торговля русскими невольниками и невольницами в Европе. Лишь покорением Крыма{8} положен был конец этой позорной для Европы торговли христианскими рабами...» Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу — и дальше на Рязань — была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси, нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как это показывают неудачные походы Голицына на Крым.

Для того чтобы вывести страну из этого маразма, нужна была железная воля и железная рука. Одно и другое сочеталось в младшем сыне Тишайшего.

Мы не собираемся здесь подробно излагать и критиковать реформы Петра I. Это вывело бы нас слишком далеко за рамки нашего скромного труда. Скажем только, что, если бы этого Государя не было, анархия окончательно одолела бы страну, низведя Московию на положение какого-нибудь Бухарского ханства или Абиссинской деспотии, разделенную на сферы влияния. Большинство реформ Петра были жизненно необходимы, иные были излишни (насильственная ломка быта, глумление над старинными обычаями и традициями, огульно объявленными предрассудками, и т. п.). Некоторые реформы, как, например, упразднение патриаршества, оказались прямо вредны. Военные же мероприятия его — реформа армии, зарождение флота — отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим.

Военная система России, как Московской, так и Императорской — резко отличалась во все времена от западноевропейской.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги: сегодня — цесарю и папе против христианнейшего короля, завтра — королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVII века был наемником.

В основу русской{9} военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности — принцип долга для каждого защищать Русскую землю — принцип повинности.

Московская рать{10} явилась первой национальной армией в мире, подобно тому, как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе.

Регулярное войско — стрельцы — было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из земского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по прин-

ципу обязательной повинности в военное время, что придавало вооруженной силе Московского Государства милиционный характер.

«Солдаты, более способные на грабеж, чем на битву», — так пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший Московскую Россию в ее упадочную пору, в XVII веке. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). Летописи московской рати не знают позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга. Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту. О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период — XVI век — предшественники Пуффендорфа судили иначе: «Ни один из христианских государей, — пишет один из них о войске Василия III, — не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский». В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немцев-наемников{11} в равных и даже превосходных силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях. Наемные солдаты других армий в их положении, наверное, поспешили бы сдать и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами. Военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевской лавры.

Дружинники Святослава, обещавшие «сложить свои головы, где его голова ляжет», храбрые жители Козельска — «злого города» Батыя, венденские пушкари, предпочитавшие смерть плену, сергиевские иноки, смольняне{12} и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, — вот от кого произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудо-богатыри! Двух армий — «московской» и «императорской» — не существует, есть одна Русская Армия.

Войска иноземного строя стали у нас заводиться при Царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка Ван Даму в 1632 году и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 году. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на

две трети из русских (те и другие — профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 году сформировано два выборных (т. е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей — Первомосковский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий — символ единства и нераздельности Русской Армии. В начале царствования Царя Алексея, в 1648 году, был издан первый в России воинский устав — «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей».

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т. е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских — до 25, стрелецких 40–45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 года считалось: «стройных» войск 110 тыс., «нестройных» 55 тыс., «городовых» до 25 тыс. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности.

ЖАЛОВАННЫЕ ЦАРЯМИ ГРАМОТЫ УСТАНОВЛИВАЮТ СТАРШИНСТВО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК:

Всевеликого Войска Донского — с 1570 г. (первая грамота казакам);

Уральского — с 1591 г.;

Терского — с 1696 г. (самое войско основано позднее — в 1722 г., но уже с половины XVII в. донские казаки селились на Тереке, и грамота эта благорит их за службу в тех краях);

Кубанского — с 1696 г. (по Хоперскому войску, вошедшему в его состав).

ПОЛКИ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОНЫНЕ:

13-й Лейб-гренадерский Эриванский (1642 г. — Выборный Бутырский, с 1827 г. — Эриванский);

4-й уланский Харьковский, 1-й гусарский Сумской, 11-й гусарский Изюмский, 12-й гусарский Ахтырский (1651 г. — слободские казачьи полки того же имени);

2-й Лейб-драгунский Псковский, 9-й гусарский Киевский,

17-й гусарский Черниговский (1668 г. — соответственно Северский, Киевский и Черниговский слободские «компанейские»).